

ГЮНТЕР ГРАСС

ПОД МЕСТНЫМ НАРКОЗОМ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Г77

Серия «Эксклюзивная классика»

Günter Grass

ÖRTLICH BETÄUBT

Neue Göttinger Ausgabe, Band 7

Перевод с немецкого *С. Апта*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Грасс, Гюнтер.

Г77 Под местным наркозом : [роман] / Гюнтер Грасс ; [перевод с немецкого С. Апта]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-163245-8

Главному герою, учителю немецкого языка и истории Эберхарду Штарушу, предстоит целая череда стоматологических операций, а врачи местной клиники считают, что просмотр телевизора отвлекает пациентов от боли, поэтому Штаруш проводит долгие часы за просмотром телепередач.

Размышления о прошлом сливаются в голове Штаруша с информацией о текущей обстановке в стране, жизнь целого поколения проходит перед его глазами...

XX век. Век бед, кровопролития, соучастия и равнодушия, сомнений и болезненных переживаний — вот о чем непрерывно думает Штаруш, вновь и вновь задаваясь вопросом: может ли общество, словно прилежный ученик, учиться на своих ошибках?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Steidl Verlag, Göttingen, 2015
© Günter und Ute Grass Stiftung, Lübeck
© Перевод. С. Апт, наследники, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-163245-8

1

Это я рассказывал своему зубному врачу. С набитым ватой ртом, напротив экрана, который — так же беззвучно, как я, — рассказывал рекламные объявления: спрей для волос, компания «Вюстенрот», ваше белье будет белее белого... Ах, и морозильник, где, расположившись между телячьими почками и молоком, пускала пузыри текста моя невеста: «Не лезь в это. Не лезь...»

(Святая Аполлония, заступись за меня!) Своим ученицам и ученикам я сказал: «Попытайтесь быть снисходительными. Мне нужно к зубному. Дело может затянуться. Временное, значит, помилование».

Смешки. Умеренные проявления непочтительности. Шербаум показал странную осведомленность: «Глубокоуважаемый господин Штаруш. Ваше выстраданное решение побуждает нас, ваших исполненных сочувствия учеников, напомнить вам о мученичестве святой Аполлонии. В 250-м году, в правление императора Деция, эта славная девушка была сожжена в Александрии. Поскольку перед тем эта банда вырвала у нее клещами все зубы, она считается покровительницей всех страдающих зубной болью, а также, что несправедливо, и дантистов. На фресках

в Милане и Сполето, на сводах шведских церквей, а также в Штерцинге, Гмюнде и Любеке она изображена с коренным зубом в щипцах. Желаем приятного времяпрепровождения и благочестивой покорности судьбе. Мы, ваш 12-а, будем молить святую Аполлонию о заступничестве».

Класс пробормотал благословения. Я поблагодарил за более или менее остроумный вздор. Веро Леванд тут же потребовала от меня компенсации: моего голоса за то, чтобы учредить у велосипедного сарая место для курения, чего уже не один месяц добивались ученики. «Ведь вы же не можете хотеть, чтобы мы без присмотра дымили в сортире».

Я пообещал классу, что на ближайшем совещании и перед родительским комитетом выскажусь за ограниченное определенным временем разрешение курить, при условии, что Шербаум согласится стать главным редактором ученической газеты, если ему это предложит комитет солидарной ответственности учеников. «Простите за сравнение: над моими зубами и над вашей газетенкой надо поработать».

Но Шербаум это отвел: «Пока солидарная ответственность учеников не превратится в их самоуправление, я палец о палец не ударю. Идиотизм реформировать нельзя. Или вы, может быть, верите в реформированный идиотизм?.. Ну, вот видите... А насчет этой святой, между прочим, все верно. Можете заглянуть в церковный календарь».

(Святая Аполлония, заступись за меня!) Ибо однократный призыв у мучеников в счет не идет. Поэтому, отправляясь перед вечером в путь, я отложил

третий призыв, и лишь на Гогенцоллерндам, за несколько шагов до той номерной таблички, что обещала мне на третьем этаже приличного доходного дома кабинет зубного врача, нет, лишь на лестничной клетке, между вагинальными арабесками в стиле модерн, которые фризом поднимались, как я, по лестницам, я решился скрепя сердце на третий призыв: «Святая Аполлония, заступись за меня...»

Его рекомендовала мне Ирмгард Зайферт. Она назвала его сдержанным, осторожным и все же твердым. «И представьте себе: у него в кабинете телевизор. Сначала я не хотела, чтобы он был включен во время лечения, но теперь я должна признать: это замечательно отвлекает. Словно ты в каком-то другом месте. И даже слепой экран и то занимателен, чем-то занимателен...»

Разрешается ли зубному врачу спрашивать пациента о его происхождении?

«Я потерял молочные зубы в портовом предместье Нойфарвассер. Тамошние жители, грузчики и рабочие верфи Шикау, любили жевать табак, соответственно выглядели и их зубы. И на каждом шагу они оставляли свои отметки: смолистую мокроту, которая ни при каком морозе не замерзала».

«Так-так, — сказал он, обутый в парусиновые башмаки, — но с последствиями жевания табака нам теперь вряд ли придется иметь дело». И уже перешел к другому: к дефектам артикуляции и к моему профилю, который с начала половой зрелости выступающая нижняя челюсть делает чересчур волевым,

что можно было бы предотвратить своевременным зубо­врачебным вмешательством. (Моя бывшая невеста сравнивала мою нижнюю челюсть с тачкой; а на карикатуре, пущенной в обращение Веро Леванд, на мою челюсть была возложена еще одна функция — грузовика с низкой погрузочной платформой.) Ну да, ну конечно. Я же всегда знал: у меня рубящий прикус. Я не могу размалывать пищу. Собака ее рвет. Кошка размалывает. Человек, жуя, делает оба движения. У меня этого нормального сочетания нет. «Вы рубите пищу», — сказал врач. И я уже рад был, что он не сказал: «Вы рвете ее, как собака». — «Поэтому мы сделаем рентгенограмму. Спокойно закройте глаза. Да и телевизор мы можем...»

(«Спасибо, доктор». Или я уже с самого начала сточил это обращение в фамильярное «доктэр»? Позднее, в полной беспомощности, я кричал: «Помогите, доктэр! Что мне делать, доктэр? Вы же все знаете, доктэр...»)

Пока он своим снарядам, который прожужжал одиннадцать раз, лез в мои зубы, болтая при этом — «Я мог бы рассказать вам кое-что из предыстории зубо­врачебного дела»... — я много чего увидел на молочном экране, например, Нойфарвассер, где я утопил молочный зуб в Мотлау, напротив Хольма.

Его фильм начинался иначе: «Пойдем от Гиппократа. Он рекомендует чечевичную кашу от абсцессов в полости рта».

А на экране качала головой моя мама: «Нет, не надо топить. Мы их сохраним в шкатулочке на голубой вате». Чуть выпуклая, разливалась доброта. Пока

мой врач говорил историко-научными тезисами — «Полоскание перцовой настойкой помогает, по Гиппократу, от зубных опухолей», — моя мама говорила в нашей кухне-столовой: «И гранатовую брошь положу, и янтарь, и дедушкины ордена. И мы сохраним твои молочные зубки, чтобы потом жена и детки сказали: вот какие они были».

А он посягал на мои предкоренные, на мои коренные. Ибо из всех моих коренных зубов самыми надежными были зубы мудрости, восьмой плюс восьмой, восьмой минус восьмой. Они должны были стать опорами моста, который скорректирует и смягчит мой рубящий прикус. «Вмешательство, — сказал он. — Мы должны решиться на изрядное хирургическое вмешательство. Пока моя ассистентка будет проявлять снимок, — а я тем временем удалю камень, — не включить ли мне изображение и звук?»

Все еще: «Спасибо».

Он поступился принципами: «Может быть, восточную программу?» Мне хватало готового стерпеть что угодно экрана, на котором видно было, как я снова и снова, медленно топлю свой молочный зуб в портовой жиже напротив Хольма. Мне еще нравилась моя семейная история, ведь все началось с молочного зуба: «Конечно, мама, я утопил в порту зуб, вот его и не хватает. И его проглотила рыба, не судак, а донный сом, который все плохие времена пережил. Он все еще лежит там в засаде, ведь сомы живут долго, и ждет других молочных зубов. Но остальные зубки молочно-жемчужно, без камня, светятся на крас-

ной вате, а гранатовая брошь и янтарь, и дедушкины ордена пропали...»

Врач пребывал тем временем в одиннадцатом веке и рассказывал об арабском враче Альбукасисе, который в Кордове первым заговорил о зубном камне. «Его надо снимать». Помню я фразы и такого рода: «Если кислотный остаток в щелочи составляет менее семи pH^* , образуется зубной камень, потому что слюнные железы нижней челюсти выделяют слюну возле резцов, а околоушные — возле шестых плюс шестых — особенно сильно при предельных движениях рта, например, при зевании. Зевните-ка. Так, так, хорошо...»

Я во всем этом участвовал, зевал, выпускал слюну, которая образует камень, и все же не сумел заинтересовать доктора. «Так вот, доктор, как называется мой маленький фильм? — Спасенные молочные зубы. Когда в январе сорок пятого моей маме пришлось собирать манатки — ведь мой отец служил в лоцманском управлении и мог позаботиться о семье заблаговременно, — она покинула Нойфарвасер с последним транспортом. Но прежде чем покинуть его, она сложила самое необходимое, а значит, и мои молочные зубы, в большой брезентовый отцовский мешок, который, как то бывает при скоропальтельном бегстве, погрузили по ошибке на „Пауля Бенекэ“, колесный прогулочный пароход, „Пауль Бенекэ“ не наскочил на мину и в целости, несмотря на перегрузку, добрался до Травемюнде, а моей доб-

* *PicoHenry* — единица измерения концентрации водорода.

рой мамочке ни Любека, ни Травемюнде увидеть не довелось; ибо тот транспорт, о котором я сказал, что он был последним, наскочил на мину южнее Борнхольма, был торпедирован и — если вы соизволите обернуться и отвлечься от зубного камня — вместе с моей мамой, как тогда среди ледяного крошева, так и сегодня на вашем экране, пошел прямиком ко дну. Только нескольким господам из гаулейтерской службы удалось, говорят, вовремя перебраться на какой-то торпедный катер...»

Врач сказал: «Теперь прополощите!» (В ходе долгой работы он просил, понукал, вскрикивал: «Еще раз!», позволял мне отвести взгляд.) Лишь изредка удавалось кадрам моего фильма убежать вместе со мной и затмить в плевательнице выброс в виде, например, осколков зубного камня. Расстояние между экраном и плевательницей, это мерцание при одновременном напоре слюны, изобиловало всяческими препятствиями и рождало как бы заключенные в скобки фразы: реплики моего ученика Шербаума, личного характера пререкания между Ирмагд Зайферт и мною, мелочи школьного быта, вопросы к кандидату на втором государственном экзамене на должность учителя и упакованные в цитаты вопросы бытия. Но как ни трудно было добраться от экрана до плевательницы, мне почти всегда удавалось избежать искажений картинки.

— Как то бывает, доктор, мои молочные зубы хранились долго, ведь то, что было однажды спасено, теряется снова не так скоро...

— Не будем обманывать себя: от зубного камня средств нет...

— Когда сын стал искать родителей, ему доставили брезентовый мешок...

— Поэтому сегодня одолеем зубной камень, врага номер один...

— И каждой девушке, предполагавшей во мне будущего жениха, доводилось видеть мои спасенные молочные зубы...

— Ведь инструментальное удаление зубного камня входит априори в любое лечение...

— Но не каждая девушка находила молочные зубы Эберхарда красивыми и интересными...

— Сейчас начали работать ультразвуком. Сполосните.

Досадный, как я подумал было, врез, ибо с помощью спасенных молочных зубов мне почти удалось заманить на экран мою бывшую невесту и начать (как я и сейчас хочу начать наконец свои жалобы), но мой врач воспротивился: рано.

Пока я истово полоскал рот, он развлекал меня историческими анекдотами. Он рассказал о некоем Скрибонии Ларге, изобретшем для Мессалины, первой жены императора Клавдия, зубной порошок: жженный олений рог плюс хиосская смола и аммиачная соль. Когда он признал, что уже у Плиния толченые молочные зубы упоминались как порошок, приносящий удачу, у меня в ушах снова прозвучали слова моей мамы: «Вот, деточка, я положу их тебе на зеленую вату. Пусть это будет тебе на счастье...»

Что значит суеверие! В конце концов я вышел из

семьи моряков. Мой дядя Макс остался на Доггерской банке. Мой отец пережил «Кенигсберг» и до самого конца эпохи вольного города работал лощманом. А меня мальчишки сразу прозвали Штёртебекером. Я до конца оставался их вожаком. Мооркене приходилось быть второй скрипкой. Из-за этого он хотел разрушить нашу банду. Но я этого не допускал: «Послушайте, ребята...» Не допускал до тех пор, пока наша лавочка не погорела, потому что этот мозгляк настучал. Надо бы как-нибудь все выложить, все по порядку, как было на самом деле, пустить на экран. Но не с обычными ухищрениями для занимательности — «Взлет и падение банды Штойбера», — а скорее научно, аналитически: «Молодежные банды в Третьей империи». Ведь никто еще до сих пор не заглядывал в дела эдельвейсовских пиратов, хранящихся в подвале Кельнского управления полиции. («Как по-вашему, Шербаум? Это должно ведь заинтересовать ваше поколение. Нам было тогда по семнадцать, как вам сегодня семнадцать. И нельзя не заметить определенных общих черт — отсутствие собственности, девушка, принадлежащая всей группе, полное неприятие всех взрослых. Да и преобладающий в 12-а жаргон напоминает мне наш рабочий жаргон...») Тогда была, однако, война. Речь шла отнюдь не о местах для курения и подобных ребячествах. (Когда мы обчистили хозяйственное управление... Когда мы подобрались к боковому алтарю церкви Сердца Господня... Когда мы на Винтерфельдской площади...) Мы оказывали настоящее сопротивление. С нами никто не мог справиться. Пока нас не выдал Мооркене. Или эта заборная жердь с ее зубами-резцами.

Надо было их самим заложить. Или строгий запрет: никаких баб! Между прочим, тогда я носил на груди в мешочке свои молочные зубы. Каждый, кого мы принимали, должен был клясться моими молочными зубами: «Ничто изничтожается непрестанно». Следовало бы их принести: «Видите, доктэр, вот как быстро все идет. Вчера еще я был главарем молодежной банды, которой боялись в рейхсгау Данциг-Западная Пруссия, а сегодня я уже штудиенрат, учитель немецкого языка и, значит, истории, которому хочется уговорить своего ученика Шербаума отойти от юношеского анархизма: „Вам надо взяться за ученическую газету. Ваш критический дар нуждается в орудии“. Ведь штудиенрат — это тот же, только с обратным знаком, вожак банды — если вы возьмете меня мериллом — ничто так не донимает, как зубная боль, зубная боль уже несколько недель...»

Врач объяснял мою хоть и терпимую, но все-таки длительную боль неправильным строением челюсти: из-за этого ускорялась усадка десен и обнажались чувствительные шейки зубов. Когда очередной его анекдот не произвел на меня особого впечатления — «Плиний рекомендовал такое средство от зубной боли: насыпьте себе в ухо пепла от черепа бешеной собаки», — он указал через плечо своим скребком: «Может быть, лучше бы телевизор...» Но я настаивал на боли: сплошной крик. Жалоба, которую никак нельзя отложить. («Простите, пожалуйста, если я рассеян».)

Мой ученик вел свой велосипед через кадр: «Вы носитесь со своей зубной болью. А что произошло в дельте Меконга? Вы это читали?»

— Да, Шербаум, я это читал. Скверно. Скверно-прескверно. Но должен признать, что это дерганье, этот сквозняк, направленный всегда на один и тот же нерв, эта локализуемая, не то чтобы отчаянная, но топчущаяся на одном месте боль изводит, терзает и разоблачает меня больше, чем сфотографированная, необозримая и все же абстрактная, потому что не задевает моего нерва, мировая боль.

— Это не злит вас, не печалит хотя бы?

— Я часто пытаюсь печалиться.

— Вас она не возмущает, эта несправедливость?

— Я стараюсь возмутиться.

Шербаум исчез. (Он поставил велосипед в сарай.)
Мой врач возник с соответствующей комнате громкостью:

— Если будет больно, пожалуйста, дайте тихонько знак.

— Дергает. Да. Вот здесь спереди дергает.

— Это ваши обнаженные, покрытые камнем шейки зубов.

— Боже мой, как дергает.

— Потом примем арантил.

— Можно сполоснуть, доктэр, быстренько сполоснуть?

(И попросить прощения. Никогда больше не буду...) Теперь я слышал уже свою невесту: «Носишься со своей болью. Обидно слышать при прощании. Скажи мне номер своего счета, и я переведу тебе пластырек. Тебе же причитается рента. Начни что-нибудь новое. Подкорми свое хобби — орнаменты кельтских надгробий».

(Прочь от плевательницы к базальтовому карьеру на Майенском поле. Нет, мерцает она на кладбище в Круфте. Или это склад пемзы, и она среди пустотелых строительных блоков...) «Приноси пользу. Держу пари, из тебя получится первоклассный учитель...»

(Не пемза: Андернах. Ветренный променад у Рейна. Считать обкорнанные платаны между бастионом и автомобильным паромом. Взад-вперед со сводящими счеты словами.)

«Сколько педагогики вылил ты на меня по капле? Не грызи ногти. Читай медленно и систематически. Резюмируй, прежде чем отвлечешься. Пичкал меня Гегелем и этим своим Марксэнгельсом...»

(Неподвижная козья мордочка, из которой поднимаются пузыри текста, битком набитые осколками зубного камня, галькой памяти, щебенкой ненависти. Ах, Лойс Лейн!)

— Я взрослый человек. Я освободилась от тебя. Освободилась наконец. Ты зануда, неудачник, трус!

(А за говорящей машиной движение, вниз по реке — вверх по реке: пых-пых!)

— Ты был хороший, немного плаксивый учитель.

(На правом берегу Рейна Лейтесдорф с двугорбым, черно-бурым от дождя наростом Розенгартена: ох-ох!)

— Направь на что-нибудь свои способности. Брось пемзу и цемент, пока не поздно. Как ты предпочитаешь получить эти пятнадцать тысяч?

(У подножья нароста: товарные поезда и бегущие автомобили. Движение всюду старается служить фоном. Слова, слева и справа, минуя меня, выплывы-

ваются на пустую террасу гостиницы Траубе: плюх-плюх!)

— В рассрочку или одним махом?

(Вот я стою в своем ветрозащитном плаще. Зада-ток для супермена.)

— Ну, давай уже. Скажи номер своего счета.

(Когда-то андернахский бастион был рейнской таможенной крепостью куркёльнских князьков...)

— Возьми это как компенсацию за ущерб и пере-стань хныкать.

(...позднее он стал памятником воинам, павшим с четырнадцатого по восемнадцатый. Камера кача-ется. Помощник режиссера уговорил мою невесту покормить чаек: крик-крик!)

Она со мной рассчиталась. И я употребил день-ги целенаправленно. Запоздалый студент переменил профессию. Боннский университет — я хотел остаться поблизости от нее — превратил инженера-произ-водственника, специалиста по центробежным филь-трам в стажера, а затем ассессора, который стал с про-шлой осени штудиенратом, преподающим немецкий язык и историю. «Не лучше ли при ваших знаниях, — намекали решившему переквалифицироваться, — из-брать специальностью математику?» — И этот, в па-русиновых башмаках, тоже отвлекся от моего зубного камня: «Как вы могли, закончив машиностроитель-ный институт, решиться на это? Это же навсегда?»

Я основательно прополоскал рот: если уж пере-учиваться, то полностью. Ее деньги я не бросил на ветер. Осталось даже ровно три тысячи (которые мне